

ИСКОННАЯ И ЗАИМСТВОВАННАЯ КОЛОРАТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ТЕКСТАХ РУССКИХ БЫЛИН

С.В. Супряга

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и методики дошкольного и начального образования
e-mail: supriaga@mail.ru*

Курский государственный университет

В статье описывается исконная и заимствованная колоративная лексика, зафиксированная в текстах русских былин. Этот фрагмент фольклорной картины мира интересен тем, что отражает специфику языка русского традиционного фольклора. В частности, колоративы в устном народном этносе рассматриваются как оценочные эпитеты, имеющие расширенную семантику. Заимствованные лексемы в данном кластере составляют незначительный процент, что позволяет сделать определенные выводы относительно сложных процессов взаимодействия культур на уровне устного народного творчества.

Ключевые слова: *исконная и заимствованная (иноязычная) колоративная лексика, язык фольклора, русские былины.*

Различные аспекты языка русской былины неоднократно становились предметом изучения курских лингвофольклористов. Так, А.Т. Хроленко и М.А. Бобунова составили «Словарь языка русского фольклора. Лексика былины» [2006]. В основу Словаря легли онежские былины, описывающие более двадцати фрагментов фольклорно-языковой картины мира. И.С. Климас опубликовала «Словник и частотный словарь былин Кириши Данилова» [Климас 1994], составленный ею на основе западносибирских текстов, собранных во 2-й половине XVIII века и подготовленных к печати А.П. Евгеньевой и Б.Н. Путиловым [Сборник Кириши Данилова 1977].

И.С. Климас и А.Т. Хроленко размышляли над тем, какое количество былин достаточно для словаря былинной речи [Климас, А.Т. Хроленко 1994]. С.П. Праведников изучал региональную специфику былинного текста [Праведников 2004, 2012 и др.] и подготовил к публикации словники и частотные словари Южносибирских былин, собранных С.И. Гуляевым [Праведников 1995], былин Карельского Поморья [Праведников 1996], Беломорских былин (записанных в 1963–1965 годах в северной части

Карельского побережья Белого моря) [Праведников 1997], былины Печоры [Праведников 2002₃], Архангельских былины, собранных А.Д. Григорьевым (Мезень, Поморье и Пинега) [Праведников 2002_{1, 2}].

Кроме того, А.Т. Хроленко и М.А. Бобунова, разработали методику кластерного анализа и составления словарной статьи и применили ее при составлении «Конкорданса русской народной поэзии» [Хроленко 2003, 2008; Бобунова, Хроленко 2001_{1,2}, 2007, 2008, 2009, 2010 и др.], А.Т. Хроленко и М.А. Лукина (Караваяева) изучали идиолект былинного певца в словаре языка русского фольклора [Караваяева 1997; Хроленко 2000]. С.П. Праведников рассматривал на материале русского героического эпоса кластеры «Еда и питье» [Праведников 2001], «Одежда. Ткани. Украшения» [Праведников 2002₄], «Человек любящий» [Праведников 2003], «Пища» [Праведников 2012], «Сверхъестественное» [Праведников 2010], сопоставил записи былины, сделанные на побережье Белого моря, на Печоре, в Сибири и на Дальнем Востоке с целью выявления их территориальных особенностей [Праведников 2012], М.А. Бобунова и И.С. Климас, помимо описания целого ряда кластеров, представили концепт «СТАРЫЙ» в русском эпосе [Бобунова, Климас 2019] и другие важные для фольклорной картины мира концепты [Климас 1998 и др.]. И.С. Климас также проанализировала жанровое своеобразие языка фольклора, исследовав фольклоризмы в кластере «Растительный мир» и наименования зоонимов и социофактов в былине и в песне [Климас 1984; 2006_{1,2}] и т.д. Былинную лексику в разных аспектах изучали и другие лингвофольклористы [Колотова 2007, Супруга 2019_{1,2} и др.].

Отметим, что «Словарь языка русской былины», составленный А.Т. Хроленко и М.А. Бобуновой включает в себя такие аспекты фольклорной картины мира, как: «Интеллектуальная деятельность» [Словарь языка русской былины 1998₁], «Колоратика» [Словарь языка русской былины 1998₂] «Оценка внешности» [Словарь языка русской былины 1998₃], «Сверхъестественное» [Словарь языка русской былины 1998₄], и другие. Исследователи рассматривали и другие номинации, в частности представляющие музыкальную и художественную культуру в русской былинной картине мира [Хроленко, Бобунова 2001_{1,2}].

В фольклорной картине мира немаловажное место занимают цветочные (колоративные) прилагательные: они встречаются в самых разных контекстах устного народного творчества, используются в создании поэтических образов. Свои наблюдения за семантикой и синтагматикой колоративов М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко, О.А. Петренко и многие другие исследователи изложили в целом ряде публикаций [Петренко 1995_{1, 2}, 1996;

Петренко, Хроленко 1995; Бобунова 1998; Бобунова, Хроленко 1995^{1,2,3,4}; Хроленко 1997, 1998 и др.]. Курскими учеными уже составлено и сопоставлено достаточное количество словарных статей по кластеру “Цвет” на материале разных жанров устного народного творчества [Хроленко, Климас, Моргунова 1994; Бобунова, Хроленко 1995^{1,2,3,4}, 1998; Петренко, Хроленко 1995; Петренко 1995^{1,2}; Бобунова 1998; Кукушкина 1996; Карамышева 1998 и др.].

К примеру, А.Т. Хроленко рассматривал особенности функционирования лексики *желтый* в русских былинных текстах [Хроленко 1997].

Все исследователи сходятся во мнении, что в текстах русского фольклора цветочные прилагательные имеют не столько денотативное, сколько оценочное и даже символическое значение. Так, по наблюдениям А.Т. Хроленко, «цветочные» прилагательные «выступают в функции оценочных слов, теряя при этом свою цветочную определенность» [Хроленко 1976: 36; 1979: 233–234]. В своей публикации «Из наблюдений над семантикой колоративов» А.Т. Хроленко пишет: «Об особенностях семантики так называемых “цветочных” слов, и прежде всего прилагательных, сказано немало. Не были обойдены вниманием и колоративы в народно-поэтической речи. Однако указанная группа фольклорной лексики настолько своеобразна, что она вновь и вновь приглашает к размышлениям на тему о месте цвета в русском этническом “мировидении”. Тем более что покластерное лексикографическое описание слов дает возможность обозреть все цветочное лексико-семантическое поле как некую целостность» [Хроленко 1998].

Предваряя публикацию «Конкорданса русской народной песни» вступительной статьей, его составители принимают точку зрения И.А. Осовецкого, который считает, что «в фольклоре все преломляется в жанре, начиная со стиля и кончая конкретными языковыми явлениями» [Бобунова, Хроленко 2007]. Именно поэтому представляется целесообразным рассмотреть под углом зрения происхождения (исконные они или заимствованные) колоративы, функционирующие только одном жанре фольклора – в былинных текстах.

Источником для нашего исследования послужила публикация М.А. Бобуновой и А.Т. Хроленко «Словарь языка русской быliny: Колоративы» [Бобунова, Хроленко 1998²], а также первый выпуск «Словаря языка русского фольклора», представляющий лексику былинных текстов, раздел «Цвет» [Бобунова, Хроленко 2006: 52–59]. Привлекались также все упомянутые выше словники и частотные словари,

составленные на основе блинных текстов [Климас 1994, Праведников 1995, 1996, 1997, 2001, 2002_{1,2,3}].

Вслед за О.А. Петренко, лексемы, называющие различные элементы цветовой гаммы, разделим на следующие группы: прилагательные, номинирующие *ахроматические, монохроматические, составные* и *сложные* цвета. *Ахроматические* цвета – белый, серый, черный и их оттенки; *монохроматические* – отражающие один ярко выраженный оттенок. К *составным* отнесем названия цветов, включающие в себя два корня с колоративной семантикой (*белазоревый, белорозовый* и т.п.), а к *сложным* – наименования цвета волос, лица человека, окраски перьев птиц, а также масти животных и т.д. [Петренко 1996: 32–33].

Интересно, что ахроматические цвета в былинах представлены не только однокорневыми словами *белый, серый, черный*, но и двукорневыми прилагательными с первым корнем *бел-*: *белогубый* (определяет субстантив *щеньдь*), *белодубовый* (*стол, мост*), *белодубый* (*колода*), *белозерский* (*сторона*), *белокаменный* (*палаты, темница, стена*), *белополотняный* (*шатер*), *белояровый* и *белоярый* (*пшена, пшеница*); с первым корнем *черн-* – *чернобархатный* (*штаники*); с корнем *сер-* сложных прилагательных в былинах не зафиксировано. Как мы видим, вторая часть в названных прилагательных не называет цвет, поэтому можно говорить о том, что наименований *составных* цветов в былине не обнаружено. Кроме того, все рассмотренные колоративы исконно русского происхождения, за исключением корня *-бáрхат-* (в слове *чернобархатный*), известного уже в древнерусском языке: он восходит к арабскому *barrakan* – ‘черная одежда’ [Фасмер: I: 129].

Отметим, что М.А. Бобунова в работе «Лексикографические заметки о “цветовой” лексике» пишет: «С большими колебаниями разводим мы по разным словарным статьям *белодубовый* и *белодубый, белояровый* и *белоярый*. Наши основания для их лексемной дифференциации – морфемное (суффиксальное) различие и диффузность семантики» [Бобунова 1998].

Действительно, сочетаемость сложных лексем с первым корнем *бел-* вполне соответствует законам русской фольклорной поэтики. По наблюдениям исследователей, *белыми* в русском фольклоре являются лирические персонажи, их одежда и все, что их окружает. Известно, что колоратив *белый* в фольклорном тексте имеет оценочную семантику, выражая значение ‘хорошее, красивое’. В песнях, к примеру, частотно метафорическое обозначение лирической героини *белая лебедка*, две главные составляющие портрета человека в фольклоре *белое лицо* и *белая рука*, идеализированный локус *белый шатер* и топос *белый камень*,

символизирующий важный выбор [Петренко 1996: 38–39; Хроленко 1992: 72–73; Бобунова, Хроленко 1995¹]. А.Т. Хроленко приводит убедительный пример из былинного текста, где у прилагательного *белый* преобладает оценочный компонент: «Целовала тут его в *белы* уста» (Гильф. 1, № 23, 170) [Хроленко 2010].

Действительно, в былинах *белыми* являются предметы быта и наименования жилища, его частей и т.п. (*лавка, сени, пол, полотнище, полотно, гроб, стол, сляга* ('брус, бревно, перекладина'), *двор, шатер, темница, улица*), названия растений (*береза, капуста, горох*); животных и птиц и частей их тела (*горносталь, зайушко, зверь, конь, кречет, куропатка, лань, рыбица, лебедь* (как птица и как женщина), *крылья, пух*), части человеческого тела (*лицо, грудь, рука, тело, уста, храпы* ('руки'), *шея*); названия людей по возрасту (*девушка, старик*), явления природы, наименования рельефа, части суток и т.п. (*день, свет, снег, камень, море, пороша*); наименования одежды и ее элементов (*платье, рубашка, рукав, чулки*); номинанты пищи и приправ (*сахар, лебедь* (как блюдо, пища)). Как видим, все определяемые эпитетом *белый* существительные исконно русские, за исключением лексемы *сáхар*, заимствованной в древнерусский период из греческого – *σάκχαρον* [Фасмер: III: 567].

Колоратив *серый* в былине также сочетается с исконно русскими существительными, называющими животных и птиц: *волк, гусь, утка / утеныш, заяц, зверь, ласточка*, а также такой символический для былины атрибут, как *камень*, у которого обычно богатырь делает нелегкий выбор.

Черные (черна, черной) в былине также зоонимы и орнитонимы (*ворон, галица, горносталь, соболев, козел, куна, птица*), наименования частей тел и оперенья животных и птиц (*перье, хобот*); названия людей и соматизмы: *дьяк, девчонка, девушка, старец; лицо, брови, кровь*), наименования артефактов (*корабль, завеса*) и натурфактов: *море, вяз, грязь, земля, лес, облако, пятно, речка*), названия пищи (*хлеб, мясо*), одежды, тканей (*платье, мурманка (шапка), чоботы, тафта, бархат*). Среди этих лексем встречаем только несколько иноязычных: *бархат* (древнее заимствование из арабского [Фасмер: I: 129]), *дьяк* (др.-русс., ст.-слав. *диѡѡкъ* – вероятно, из ср.-греч. *διάκος*: *διάκων* «слуга», греч. *διάκονος* [Фасмер: I: 560]); *тафта* (др.-русс. заимствование через итальян. *taffetà* 'тафта' из нов.-перс. *tāftā* 'сотканное': *tāften* 'ткать, прясть' [Фасмер: IV: 29]); *чоботы* ('сапоги с каблуком и загнутым носком, сапог с высоким голенищем', др.-русс. *чеботь* ... обычно считают заимств. из тюрк., ср. тат. *ĉabata* «лыковый лапотъ» [Фасмер: IV: 322; 370–371]) и *шапка* (обычно предполагают заимствование этого слова

через ср.-в.-н. *scharēl* от ст.-франц. *charpel, chare* из лат. *sarra*) [Фасмер: IV: 406].

Встречаем в былине и композиты *былым-бело* и *черным-черно*:

*Как первое там чудо былым-бело,
А другое-то чудо красным-красно,
А третьёе-то чудо черным-черно*

(Гильф. 1, № 49, 27)

К названиям ахроматических цветов условно отнесем и прилагательное *нецветный*: «Надевали они платища нецветныи» (Гильф. 1, № 6, 633).

Как видим, среди колоративных прилагательных, номинирующих ахроматические цвета, нет заимствованной лексики, да и среди определяемых ими существительных иноязычных слов крайне мало.

Монохроматические цвета в былинах обозначаются несколькими двукорневыми прилагательными, номинирующими сложные цвета: *желторусый* (*коса*), *круто-красный* (*бережок*) и *рудожелтый* ‘красно-желтый’ (*пески*). Вся эта лексика исконного происхождения.

Композит *круто-красный* является результатом контаминации постоянного эпитета *крутой* (*бережок*) и оценочного определения *красный* [Бобунова 1998].

Составители «Словаря языка русского фольклора» отмечают, что колоратив *рудожёлтые* довольно редко встречается в текстах былин: в Онежских былинах – семь раз и два словоупотребления – в народном эпосе Сибири и Дальнего Востока. «Это эпитетосочетание в большинстве своих употреблений связано с идеей украшения мостовых... Единично сочетание *рудожёлтая камка* из былинного текста, записанного в Русском Устье...» [Бобунова, Хроленко 2000: 57]. Существительное *камка́* – ‘камчатное полотно’, др.-русс. *камка* ‘шелковая узорчатая ткань’ заимствовано из тат., казах., кирг., алт. *катка* ‘ткань из шелка, похожая на атлас’, тур. *kātḫa*, крым.-тат. *kitḫa*, кит. происхождения [Фасмер: II: 174–175].

Рассмотрим однокорневые колоративы, зафиксированные в текстах русских былин.

Голуб|ой| в эпосе *кафтан*, *желтые* – соматизмы *кудри*, *волос* (*волосочки*), *коса* и натурфакт *песок* (см. также: [Хроленко 1997]), *зеленые* – натурфакты *луг*, *сад*, *дуброва*, *затресье* (‘часть водоема, где растет осока, камыш, тростник’ [СРНГ: 11: 106]), *лист*; название хмельного напитка – *вино* и посуды для него – *чарочка*; наименование головного убора – *колтак*, а также тканей – *сафьян* и *стамет* / *знамет* [Хроленко 1998; Петренко 1995]. Среди определяемых названными колоративами существительных иноязычное происхождение имеют наименования одежды и тканей: *кафтан*

(«др.-русс. *кавтанъ*, *кофтанъ* ... заимств. из тур., азерб., крым.-тат. *kaftan*..., источником которого является перс. слово и которое через араб. распространилось в Зап. Европе» [Фасмер: II: 212], *колна́к* (заимств. из тур., тат., крым.-тат., казах. *kalpak* 'шапка' [Фасмер: II: 297], *сафьян* («Объясняют обычно через тюрк.: ср. тур., балкар., карач. *sahtijan*... крым.-тат., кыпч. *saktyjan*... из перс. *sextijān* [Фасмер: III: 566]) и *стамет* («*стамед* – 'вид шерстяной ткани' ... Через нем. *Stamet* или голл. *stamet* или непосредственно от ит. *stametto*» [Фасмер: III: 744]).

Красный в былине в большинстве случаев имеет семантику «красивый»: *Киев град, город, девушка / девица, бор, дерево, сосна, весна, лето, заря, солнце* (как светило и как человек), *крыльцо, товар*. Правда, в некоторых случаях цветообозначение может выходить на первый план. Например, в сочетаниях с существительными *бархат, золото, камка, платье, рубашка, сафьян*. Среди этих субстантивов заимствованными являются упомянутые *бархат, камка* и *сафьян*.

Рассмотрим различные оттенки красного, встречаемые в былинах: *багрецовый, багречевый, батрецовый (сукна)* 'от *багрец* 'красная краска' [СлРЯ XI–XVII вв.: 2: 63], *багровый* 'темно-красный', *червонный* (*золото, крест*), *червлёный, черлёный* (*вяз, корабль, насад, стул*), *черливый* (*вяз*) 'багряный и багровый, цвета червца, ярко-малиновый' [Даль: 4: 591]. Читаем в тексте былины: «Червлёный вяз, копьё долгомерное» (Гильф. 2, № 103, 109). *Вяз* здесь – наименование оружия – боевой дубины, поэтому, как полагают исследователи, цвет здесь вряд ли имеет первостепенное значение [Бобунова 1998; Хроленко 1998].

А.Т. Хроленко отмечает, что «в "Беломорских былинах, записанных А. Марковым" *черлёный* во всех восьми словоупотреблениях – эпитет к существительному *корабль*. В 28 случаях *корабль* определяется как *чернёный*» [Хроленко 1998; 2010].

Отметим, что все эти наименования красного цвета имеют общеславянские корни, поэтому их нельзя считать заимствованными, хотя относительно сочетания *Червонная Русь* М. Фасмер пишет, что оно заимствовано из польского языка: «Польское *czzerwony* 'красный', 'золотой' – производное от общеславянского * *сървити* 'красить в красный цвет'» [Фасмер: I: 103; IV: 334–335].

Находим в словаре былинной лексики и лексемы *гормузиный* (сочетается с субстантивами *сукна, чулки*) и *кармазинный (сукно)*, очевидно, обе они – производные от иноязычного существительного *кармазін*, имеющего, согласно справочникам, значение 'ткань темно-красного цвета', «*Кармазінный* 'алый' ... стар. русск. *кармазинъ* ... Через польск. *karmazyn*

или нем. *Karmesin* из ит. *carmesino*, которое восходит к араб. *qermazī, qirmizī* ‘ярко-красный, багряный’ [Фасмер: II: 201]. Здесь мы имеем дело с ситуацией, о которой неоднократно говорилось в наших прежних публикациях: иноязычное слово, попадая в русский фольклор, проходит период «адаптации», отсюда – многовариантность и изофункциональность таких вариантов [Супряга 2001, 2019₃; Кляус, Супряга 2006 и др.].

Колоратив *лазуревый* в былинах является постоянным эпитетом к слову *цветы* и единожды употребляется с существительным *латырь*. В этимологическом словаре находим: «*Латырь* (алатырь) – «всем камням камень», близ которого упала Голубиная книга... это чудесный камень, который был положен спасителем в основание Сионского храма. Он был принесен с Синая и поставлен там как алтарь. Несмотря на остроумную аргументацию, производить от лат. *altare*, др.-исл. *altaristeinn* затруднительно в фонетическом отношении» [Фасмер: I: 69]. В любом случае, вероятнее всего, эта лексема заимствованная. Впрочем, как и существительное *лазурь* / *лазорь*, от которого образовано прилагательное *лазуревый*: «др.-русс. *лазорь*. Через польск. *lazur*... чеш. *lazur*. Из ср.-в.-н. *lazûr, lasûr* ‘голубой камень’, которое восходит через ср.-лат. *lazurium, lasurium* к араб. *lâzavard*» [Фасмер: II: 450].

Прилагательное *синий* (варианты: *сине, синё, за синим, во сине, в синём, синь*) в былинах используется в сочетаниях с лексемами *море* (как постоянный эпитет в фольклоре), *ворон, камень* и *чулки*. Среди всех упомянутых слов только существительное *чулок* (др.-русс. *чулькъ*) заимствовано из тюркских языков [Фасмер: IV: 322; 380–381].

Сложные цвета представлены в былинах следующими лексемами: *однобурый (жеребец, конь)* (‘только бурой масти (о лошадях)’ [СРНГ: 23: 36]), *однокарий (конь)* (‘тёмно-коричневый (о масти лошади)’ [СРНГ: 23: 41]) и *темнокарий (жеребчик)*, *однорыжий* (‘рыжего цвета, рыжей масти’ [СРНГ: 23: 49]), *рыжий (конь)*, *румяный (Добрыня, лицо)*, *русый (коса, кудри)*, *сивогривый (конь)*, *сизый / сиз (бурушка, голубь, орел, перо)*, *ворон(-ой) (жеребчик, конь)*, *гнедой / гнедый (тур, туриха, конь, лошадь)* (‘красновато-рыжий с черным хвостом и гривой (о масти лошади)’ [МАС: 1: 320]) и производные существительные *воронко, сивушка(о), бурушка(о), кавурушка(о)* – ‘лошадь каурой масти; каурка’ [СРНГ: 12: 295] (*Уздай седлай бурушка кавурушка* (Гильф. 1, № 40, 27)).

А.Т. Хроленко в книге «Введение в лингвофольклористику» отмечает: «Масть лошади у русских – сущностная характеристика животного, отсюда частотность видовых обозначений его с помощью специальных существительных: *бурый* > *бурко (бурка)*, *вороной* > *воронко (воронок)*,

гнедой > *гнедко*, *сивый* > *сивко*. Эти существительные, сохраняя сему цветовой определённости, приобретают потенциальную сему 'сверхъестественность', актуализируемую в сочетании существительного с эпитетом (например, частое *веций каурка*). При этом цветовые семы «микшируются», в результате чего «цветовое» слово перестаёт обозначать конкретную масть. Актуализация в каждом имени масти семы 'сверхъестественное' делает синонимичными слова, которые за пределами фольклора таковыми не являются. Концентрация нескольких обозначений масти для одной лошади – форма представления существа с необычайными свойствами... Смешение цветов – знак сказочности животного» [Хроленко 2010]. Действительно, в былинах читаем: «*Берёт узду себе в руки тесмяную, Одивал на мала бурушка-ковурушка*» (Гильф. 2, № 152, 53).

Рассмотрим заимствованные прилагательные из этой лексико-семантической группы. В словах *однобурый*, *однокарий*, *темнокарий* первая часть исконно русская, а вторая иноязычного происхождения. Сравним:

Бурый – «отсутствие этого слова в чеш., в.-луж., н.-луж., словен. говорит в пользу вост. происхождения, тем более что названия лошадиных мастей (ср. *карий*, *буланы* и т.п.), как правило, заимств. из тюрк. Заимств. через посредство тур. *bur* «рыжей масти» из перс. *bōr* «гнедой, рыжей масти»; ср. др.-инд. *babhrūṣ* «рыжевато-бурый, гнедой» [Фасмер: I: 249].

Карий – «др.-русс. *карый* 'черный' ... из тур., тат. и т. д. *kara* «черный» [Фасмер: II: 199].

Лексема *кавурушка(о)*, производная от *каурый*, – «'светло-гнедой (о лошадиной масти)', стар. *курый* ... *кауриться* 'мрачно смотреть', впервые *ковур* – то же, грам. 1579 г. ... Из тюрк.; ср. казах., чагат. *koñur* 'саврасый, буланы' ... сев.-тюрк. *kovur* 'карий'» [Фасмер: II: 211].

Отдельно нужно сказать о лексемах *цветный* (*латырь*, *платье*), *одноцветный* (*платица*) и *самоцветный* (*камень*, *маковка*, *платье*, *яхонт*).

М.А. Бобунова полагает, что в прилагательном *одноцветный* первый компонент *одн(о)-* обладает значением 'такого же цвета', поскольку в данном тексте далее читаем: «*сапожки-ты ... одноличные*» ('одинаковые'), а эпитеты *цветный* и *нецветный* противопоставляются на основании контраста 'нарядный, богатый' и 'простой, ненарядный, обыденный' [Бобунова 1998].

Самоцветные (камень) – 'природные, не поддельные; ценные, дорогие, драгоценные' [Даль: 4: 136]; 'Устар. Цветной, разноцветный' [МАС: 4: 25].

Наконец, следует упомянуть глагол *бусеть* («*Котора была медь аравитская, Никогда она ни бусела ('чернела') и не ржавела*» (Гильф. 3,

№ 255, 12 с. 316)), который также содержит колоративную семантику, поскольку является производным от прилагательного *бұсый* – ‘темно-серый, пепельный’, поэтому *бусéть*, *бусовéть* – ‘становиться серым, голубым, темнеть’.

Относительно данного глагола А.Т. Хроленко поясняет: «Континуальность цветовой волны, а также изменение окраски в связи с атмосферными факторами и законами психологического восприятия цветов способствуют существованию в языке слов, обозначающих некий цветовой диапазон, например, *бусеть*» [Хроленко 1998; 2010] со ссылкой на словарь В.И. Даля: «*Бусеть* – ‘синеть, сереть, темнеть, чернеть’» [Даль: 1: 145].

Этимология данной лексемы весьма спорна. Так, М. Фасмер пишет: «*бұсый* – ‘темно-серый, пепельный’, *бусéть*, *бусовéть* – ‘становиться серым, голубым, темнеть’. Старое объяснение из тур., др.-тюрк. *boz* “серый, темный”, кыпч. *bozay*, тат. *buz* отвергают ... Ср., однако, *босый* волк. [Фасмер: I: 252].

Итак, наши наблюдения за колоративной лексикой, используемой в фольклорном тексте, в частности, в былинах, позволяют нам согласиться с точкой зрения А.Т. Хроленко, полагающего, что «основные цвета у носителей русского языка устойчиво связаны с когнитивными процессами, что отчетливо проявляется в словообразовании (особенно в диалектном), где ... черное ассоциируется с наименованием птиц, красное – с рыбой, зеленое – с молодостью, а желтое – с болезнью» [Хроленко 2008]. Этимологический же анализ лексики, номинирующей цвета и определяемой колоративами в былинах дает основание утверждать, что заимствованные корни используются в основном там, где речь идет о чем-то чудесном, волшебном, удивительном. Например, при описании богатырского коня сказитель прибегает к эпитетам иноязычного происхождения *однобурый*, *бурый*, *однокарий*, *темнокарий*, называет его *кавурушкой* / *ковурушкой*, *буркой*. А дорогие ткани, в частности, сукно красного оттенка названы в народном эпосе *червонными* и *гормузинными* / *кармазинными* (остальные эпитеты исконно русского происхождения). Да и определяемые исконно русскими «цветовыми» прилагательными названия тканей также нередко имеют иноязычное происхождение – *бархат*, *камка*, *сафьян*, *стмет*, *тафта*. Еще одно прилагательное, имеющее неисконный корень, – *лазуревый*, оно, в отличие от других заимствований среди колоративов, имеет не единичное употребление. Индекс его частотности – 12, хотя сочетаемость ограничена всего двумя субстантивами – *цветок* и *латырь*. Нередко в былинах колоративные прилагательные определяют иноязычные наименования одежды, обуви, головных уборов (*кафтан*, *колпак*, *чулок*, *чоботы*, *шапка*).

Среди сочетающихся с эпитетами *черный* и *белый* находим два слова греческого происхождения – *дьяк* и *сахар* соответственно.

Таким образом, мы видим, что кластер «Цвет» в русской былине представлен в основном исконно-русской лексикой, даже анализ ее синтагматических связей не выявил большого количества заимствований. Это может свидетельствовать об устойчивости языка русского фольклора к инокультурному влиянию.

Библиографический список

Бобунова М.А. Лексикографические заметки о «цветовой» лексике // Фольклорная лексикография. 1998. № 10. С. 15–21.

Бобунова М.А., Климас И.С. Концепт «СТАРЫЙ» в русском эпосе [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 2 (33). С. 17–28. URL: https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/03_Бобунова_Климас.pdf (дата обращения: 24.04.2020).

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Белодубовый // Фольклорная лексикография. 1995₁. № 4. С. 7–9.

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Гусли и другие номинации, представляющие художественную культуру в русской былинной картине мира // Лингвокультуроведение. Курск, 2001₁. Вып. 1. С. 26–33.

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Конкорданс русской народной песни: Т.1. Песни Курской губернии. Курск: Изд-во КГУ, 2007. 257 с.; Т. 2. Песни Архангельской губернии. Курск: КГУ, 2008. 315 с.; Т. 3. Песни Олонецкой губернии. Курск: КГУ, 2009. 187 с.; Т. 4. Песни Сибири. Курск: КГУ, 2010. 174 с.

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Лазуревый // Фольклорная лексикография. 1995₂. № 4. С. 10–11.

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Пробная статья «желтый» // Фольклорная лексикография. 1995₃. № 4. С. 3–5.

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Пробная статья «синий» // Фольклорная лексикография. 1995₄. № 4. С. 5–7.

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Фрагмент словаря онежских былин: «Пища» // Фольклорная лексикография. 2001₂. № 18. С. 24–42.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. язык, 1978–1980. Т. 1–4.

Караваева М.А. Идиолект былинного певца: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Курск, 1997. 230 с.

Карамышева О.А. Цветовая лексика в русских народных заговорах // Фольклорная лексикография. 1998. № 16. С. 32–36.

Климас И.С. Жанровое своеобразие русской устнопоэтической речи: на материале поэтической фразеологии поля «Растительный мир» былины и исторической песни // Специфика семантической структуры и внутритекстовых связей фольклорного слова: Межвуз. сб-к науч. трудов. Курск, 1984. С. 43–55.

Климас И.С. Зоонимы в фольклорном эпосе и лирике // Текст как единица анализа и единица обучения: сб. науч. статей. Вып. 4. Курск: МУ «Издательский центр «ЮМЕКС», 2006₁. С. 43–47.

Климас И.С. Имена социофактов в народном эпосе и лирике // Фольклор в контексте современной культуры: Юдинские чтения–2005: Мат-лы Всерос. науч.-практич. конференции (Курск, 22 декабря 2005 г.). Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006₂. С. 43–46.

Климас И.С. Концепт «поле» в русской фольклорной традиции // Русский язык в XX веке: научное издание. Воронеж, 1998. С. 121–123.

Климас И.С. Словник и частотный словарь былин Кирши Данилова (статья) // Фольклорная лексикография. 1994. № 1. С. 22–35.

Климас И.С., Хроленко А.Т. Какое количество былин достаточно для словаря былинной речи? // Фольклорное слово в лексикографическом аспекте. Курск, 1994. Вып. 2. С. 3–6.

Кляус В.Л., Супряга С.В. Песенный фольклор русскоустыинцев Якутии и семейских Забайкалья: материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении. Курск: Изд-во РОСИ, 2006. 213 с.

Колотова Н.И. Лексическое своеобразие былин Кирши Данилова: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Курск, 2007. 227 с.

Кукушкина Е.Ю. Семантическая амбивалентность колоративных прилагательных (на материале свадебного причитания) // Фольклорная лексикография. 1996. № 5. С. 11–14.

Петренко О.А. Желтый и yellow в народной лирике двух этносов // Фольклорная лексикография. 1995₁. № 4. С. 24–25.

Петренко О.А. Лексема green на фоне лексемы зеленый в английском и русском песенном фольклоре // Фольклорная лексикография. 1995₂. № 3. С. 6–10.

Петренко О.А. Народно-поэтическая лексика в этническом аспекте (на материале русского и английского фольклора): дис. ... канд. филол. наук. Курск, 1996. 158 с.

Петренко О.А. Цветообозначение в русской и английской народно-песенной традиции // Петренко О.А. Этнический менталитет и язык фольклора. Курск, 1996. С. 17–53.

Петренко О.А., Хроленко А.Т. Gold / золото // Фольклорная лексикография. 1995. № 4. С. 12–13.

Праведников С.П. «Беломорские былины»: словник и частотный словарь // Фольклорная лексикография. 1997. № 8. С. 18–56.

Праведников С.П. «Человек любящий» в русском героическом эпосе: территориальное сопоставление // Время и человек в зеркале гуманитарных исследований: материалы пятой международной летней культурно-антропологической школы молодых ученых «Культура – Образование – Человек»: в 2 т. / под ред. А.В. Репринцева. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. Т. 1. С. 322–329.

Праведников С.П. Архангельские былины, собранные А.Д. Григорьевым: Мезень: Словник и частотный словарь. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2002₁. 63 с.

Праведников С.П. Архангельские былины, собранные А.Д. Григорьевым: Поморье и Пинега: Словник и частотный словарь. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2002₂. 47 с.

Праведников С.П. Былинная лексика, характеризующая сверхъестественное // Филологические науки. 2010. №1. С. 110–119.

Праведников С.П. Кластер «Еда и питье» в былинах Сибири и Дальнего Востока // Фольклорная лексикография. 2001. № 18. С. 43–50.

Праведников С.П. Кластер «ПИЩА» в русской эпической традиции с точки зрения территориальной специфики [Электронный ресурс] // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. №3-2 (23). С. 95–103. URL: <https://apimag.kursksu.ru/media/pdf/026-016.pdf> (дата обращения: 23.11.2019).

Праведников С.П. О региональной специфике былинного текста (на примере лексики, называющей оружие) // Образ и текст: сб. материалов международной научной конференции. Курск: Изд-во МГСУ «Союз», 2004. С. 187–198.

Праведников С.П. Словник и частотный словарь былин Карельского Поморья // Фольклорная лексикография. 1996. № 5. С. 39–47.

Праведников С.П. Словник и частотный словарь былин Печоры: словник и частотный словарь. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2002₃. 72 с.

Праведников С.П. Словник и частотный словарь южносибирских былин, собранных С.И. Гуляевым // *Фольклорная лексикография*. 1995. № 2. С. 15–32.

Праведников С.П. Фрагмент словаря былин: Одежда. Ткани. Украшения // *Фольклорная лексикография*. 2002₄ № 19. С. 12–51.

Сборник Кириши Данилова / Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд. / подг. А.П. Евгеньевой и Б.Н. Путиловым. М.: Наука, 1977. 88 с.

Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. М.; Л.; СПб: Наука, 1965–2019. Вып. 1–51 (СРНГ).

Словарь русского языка XI–XVII вв. / Под ред. Бархударова С.Г. и Филина Ф.П. М.: Наука, 1975–2015. Т. 1 – 30 (СлРЯ XI–XVII вв.).

Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 1–4 (МАС).

Словарь языка русского фольклора. Лексика былины / М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко. Курск: Изд-во КГУ, 2006. Ч. 1: Мир природы. 2006. 125 с. Ч. 2: Мир человека. 2006. 192 с.

Словарь языка русской былины: Интеллектуальная деятельность / М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко // *Фольклорная лексикография*. 1998₁. № 12. С. 3–20.

Словарь языка русской былины: Колоратика / М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко // *Фольклорная лексикография*. 1998₂. № 10. С. 3–15.

Словарь языка русской былины: Оценка внешности / М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко // *Фольклорная лексикография*. 1998₃. № 13. С. 3–10.

Словарь языка русской былины: Сверхъестественное / М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко // *Фольклорная лексикография*. 1998₄. № 11. С. 3–9.

Супряга С.В. Заимствованные наименования напитков в русском фольклоре [Электронный ресурс] // *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2019₁. № 4 (35). С. 254–261. https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/28_Супряга.pdf (дата обращения: 24.04.2020).

Супряга С.В. Лексика русской лирической песни как поле межкультурных контактов: на материале текстов песен старообрядцев Восточного Полесья, Забайкалья («семейских») и Алтая («поляков»). Курск: Курск. гос. ун-т, 2019₃. 419 с.

Супряга С.В. Устойчивость лексики русской народной лирической песни к иноэтническому влиянию. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2001. 226 с.

Супряга С.В., Праведникова Л.В. Сложные колоративные прилагательные в словаре языка русской былины // Пространство фольклора, литературы и педагогики: Юдинские чтения – 2018: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию проф. Ю.И. Юдина (Курск, 6–7 декабря 2018 г.). Курск: КГУ, 2019₂. С. 33–38.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд. М.: Астрель; АСТ, 2004. Т. I–IV.

Хроленко А.Т. Кластерный анализ в лингвокультуроведческих исследованиях // Концептосфера «Небо»: Опыт кластерного анализа. Курск, 2003. С. 3–7.

Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2010.

Хроленко А.Т. Желтый в русских былинных текстах // Живая старина. 1997. № 4. С. 6–7.

Хроленко А.Т. Идиолек былинного певца в словаре языка русского фольклора // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. Петрозаводск, 2000. С. 298–308.

Хроленко А.Т. Из наблюдений над семантикой колоративов // Фольклорная лексикография. 1998. № 10. С. 21–23.

Хроленко А.Т. Лексика русской народной поэзии. Курск: Изд-во КГПИ, 1976. 64 с.

Хроленко А.Т. Опыт создания и использования конкордансов к русским фольклорным текстам // Традиционная культура славянских народов в современном социокультурном пространстве. Славянск-на-Кубани, 2008. Ч. 1. С. 89–97.

Хроленко А.Т. Проблемы фольклорной лексикографии // Диалектная лексика. 1977. Л., 1979. С. 229–241.

Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 137 с.

Хроленко А.Т., Климас И.С., Моргунова Н.И. Сопоставление словарных статей как эвристический прием лексикологического исследования // Фольклорное слово в лексикографическом аспекте. 1994. Вып. 1. С. 7–11.